

Воображение мира

Автор:

Александр Иличевский

Воображение мира

Александр Викторович Иличевский

Лейтмотивом книги эссе Александра Иличевского является воображение. Оно прихотливо связывает между собой математические аксиомы и модернистскую литературу, биоинформатику и пейзажные парки, теорию струн и иудаизм Второго Храма, физику твердого тела и язык ангелов. Около двадцати тысячелетий мир развивается благодаря воображению – единственному рычагу, способному его преобразить; причем рычаг этот совершенно не нуждается в точке опоры. Александр Иличевский (р. 1970) – российский прозаик и поэт, автор романов «Матисс», «Перс», «Математик», «Чертеж Ньютона»; лауреат нескольких литературных премий, в том числе «Русский Букер» (2007) и «Большая книга» (2010).

Александр Иличевский

Воображение мира

В оформлении обложки использован фрагмент гобелена «Пленный единорог» (ок. 1500)

© А. В. Иличевский, 2019

© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2019

Воображение мира

Книга и сад

1

Впервые о саде как первом признаке зрелой цивилизации меня заставил задуматься один археолог, когда я сплавлялся на ялике по Нижней Волге. Во время этого путешествия я побывал в знаменитом селе Селитренном, где когда-то добывалась аммонийная селитра: порох, дымивший над войсками шведов при Полтаве, брал свое начало именно отсюда. А еще раньше – в XIII веке – здесь простирался и высился Сарай-Бату, одна из столиц Золотой Орды, основанная чингизидами и существовавшая за счет северной ветки Великого шелкового пути. Когда Тимур отрезал ее своим ужасающим неофитским нашествием, город в считанные годы опустел и был занесен песком. Сейчас вокруг Селитренного об этом напоминают лишь раскопки, разбирающие средневековую свалку канувших гончарных производств, и заливные пастбища, утоптаные и выщипанные овцами до состояния изумрудных зеркал.

Мы побрели сквозь зной к раскопам. Археологи встретили нас пивом, добытым из прохладного шурфа, и жереховым балыком.

Во время этой встречи на Ахтубе я узнал, что в те времена, когда Лондон насчитывал шестьдесят тысяч жителей, а Париж сорок, в Сарай-Бату жили сто двадцать тысяч человек, город тянулся вдоль реки на десять верст, здесь высились дворцы и караван-сарай, били фонтаны.

Но главное – тут располагались всяческие сады, по роскоши своей не уступавшие, как говаривал один восторженный голландский купец, воздушным садам Семирамиды. И это притом, что до Версальского сада, до сада Букингемского

дворца, сада Тюильри и дворцово-парковых затей Людовика при перестройке Лувра было еще очень далеко.

2

Дерево растет медленно – в отличие от травы на пастбищах.

Сад невозможно вырастить без воображения, ибо только воображение способно дать основание для достижения цели, поскольку воображение – ядро деятельности сознания.

Чем, скажем, отличается воображение от фантазии? На этот вопрос можно ответить лишь с известной долей субъективности. Корень слова «фантазия» отсылает к фантазму, то есть к чему-то яркому, но не существующему. В «воображении» корень связан с образом, то есть содержит творческое начало, дающее возможность развивать знания о мире в соответствии с его уже существующим в уме образом. Иными словами, главное в воображении – его инструментальность, возможность создавать новый смысл.

Фантазия в сравнении с воображением умалена в сущности, то есть не обладает общим для всех значением. Скажем, фантазия не способна оказаться предметом веры многих, то есть обладать отличным от нуля значением, пригодным для обобщенного опыта.

Если говорить проще: фантазия – ложь, воображение есть развитие истины.

Недавно погиб великий математик, нобелевский лауреат Джон Нэш. Он был болен шизофренией, и вот трагические слова, сказанные при выздоровлении: «Сейчас я мыслю вполне рационально, как всякий ученый. Не скажу, что это вызывает у меня радость, какую испытывает тот, кто выздоравливает от физического недуга. Рациональное мышление ограничивает представления человека о его связи с космосом».

3

Искусство японского сада начинается с первых храмовых садов. Слива, вишня, глицинии, азалии, цепкий плющ. К IX веку появляется философско-живописная разновидность: сад камней – причудливой формы камни с высоты птичьего полета, с высоты взгляда Творца суть острова посреди океана из мелкого галечника и песка, расчесанного, как море волнами.

Японский сад олицетворяет природу или даже Вселенную. В нем содержатся горы, холмы, острова, ручьи и водопады, леса, кустарники, бамбук, злаки, травы, мхи. Беседки и чайные домики – места для медитации, в том числе и церемониальной, располагаются там, откуда открываются лучшие, с точки зрения дзен-буддизма, панорамы. Каждый уголок, каждая часть и взаиморасположение наделены значением в соответствии с выработанной в культуре риторикой уникальной связи души и мироздания.

А то, что сад живой, означает, что система, положенная в его основу, есть сущность саморазвивающаяся, но в то же время в каждое мгновение сохраняющая все пропорции, необходимые для кодификации системы воззрений японской философии.

4

Можно проследить, как в творчестве Вергилия тревожное пастушество сменяется земледельческим покоем. «Буколики», сама мечта поэта о возвещенной устами пророчицы Кумской идиллической эпохе, которая настанет с появлением на свет Золотого Младенца, есть предвидение царства Бога на земле, и представлялось оно поэту в виде земледельческого труда.

Сад вбирает в себя взгляд на мироустройство того, кто его возделывает.

Подобно тому, как Вселенная оказывается данной нам в ощущении проекцией – «одеянием» Творца, несущим образ и подобие своего Создателя, так и сады становятся отражением своих творцов, сообщая о них едва ли не больше, чем те могли бы о себе рассказать.

Всерьез прочувствовать, что такое садово-парковое искусство, мне пришлось в юности в Гатчине, знаменитом личном прибежище Павла I, известного печального фрика российской царской династии, робко, но упрямо пытавшегося

внедрить, подобно своему деду, Петру Великому, ценности мировой цивилизации в архаичное общество своих подданных. Почерневший в советском безвременье, искореженный разрухой дворец был заброшен, смотреть там было нечего, там не было даже паркета, а вот парк завораживал. Причем поначалу было неясно, парк ли это или гостеприимный светлый лес с дорожками. Но сомнения рассеялись, когда деревья расступились, и я вышел к небольшому холму, на вершине которого обнаружился аккуратный кратер и в нем живописный пруд, обрамленный рядом скамей.

Так я познакомился с английским парком, стиль которого определен не подчинением природы человеческому замыслу, но соподчинением творческого начала человека природному замыслу Творца.

Гатчинский парк мне тогда, наверное, под влиянием образа своего угрюмого царственного создателя (взвинченного отчаянной борьбой с силами хаоса с помощью утопических идей о порядке и страшившегося призраков – сгустков его страха перед архаикой, которые его в конце концов и погубили), показался моделью загробной жизни. Это было одновременно величественное и сумрачное ощущение.

5

Есть прилагательные, которые редко встречаются и потому запоминаются лучше. Прилагательные вообще сомнительны в любом тексте, ибо задевают зрение, перцепцию вообще, то есть наглядность, а это вредит главному богатству: воображению.

Мое любимое из цветowych – «еловый».

Использовать его можно только в редких случаях. Например, без него невозможно объяснить, какого цвета была у нас школьная доска в классе – стеклянная, матовая, издававшая под мелком звонкий стук при каждом прикосновении: четкий ритм изложения неизбежно отражался в тетрадах, а хрустяще-скрипучий нежный звук лекторского письма – почерк на такой доске был наиболее четким – услаждал слух.

Или, например, «лиловый».

Что вспоминается, когда слышишь его?

Сирень, дождевые облака, звездный сумрак, наползающий с востока на закате солнца.

А еще – словосочетание: «лиловая собачка».

Оно из «Войны и мира».

Лиловая собачонка увязалась за Платоном Каратаевым и Пьером в плену у французов, когда солдат и офицеров увели шеренгой из балагана на Девичьем поле.

Собачка была низенькой и кривоногой и питалась трупами людей и лошадей, то ковыляла, то нагоняла рысцой колонну пленных.

Почему такая – лиловая – масть запоминается?

Наверное, это связано с тем, что у святого Августина, в его демонологии, дьявол тоже лиловый.

Ибо, как объясняет святой Августин, падший ангел, пройдя через атмосферный слой «нижнего воздуха», приобрел его, «нижнего воздуха», цвет.

Все это важно потому, что становятся ясней строчки из «Римских элегий» Иосифа Бродского: «Обними чистый воздух, а-ля ветви местных пиний: / в пальцах – не больше, чем на стекле, на тюле. / Но и птичка из туч вниз не вернется синей, / да и сами мы вряд ли боги в миниатюре».

К тому же «лиловый» часто встречается в стихах Пастернака. «Что в грозу лиловы глаза и газоны / и пахнет сырой резедой горизонт».

Картина «Демон» Врубеля исполнена в лиловых тонах: вот мы и вернулись к нашей загадочной лиловой собачонке, к доказательству реальности ада.

Таковы дуги воображения, позволяющие нам этот мир уловить.

В русской культуре мировой сад появляется по-настоящему усилиями Чехова. Сад Чехова и возы сушеной вишни, тянущиеся в направлении Москвы (гекатомба бутфорской крови, возы условных жертвоприношений, словно бы выкупающих из небытия своих владельцев, посланные в храм культуры, надежды, избавления – в столицу), в национальном сознании обычно выступают в роли символа ускользающего освобождения – материального, душевного, климатического, духовного, какого угодно. Символа честного чистого труда и заслуженной награды.

Конечно, эти значения вполне справедливы. Но Чехов в корне амбивалентен, он лучше многих понимал, что художественный образ не может быть однозначным.

Вишневый сад – сам по себе объект баснословный, мифический, – и на эту неглавную его черту указывают сведения о том, что в Европе вишня впервые появилась благодаря гурману и устроителю кулинарно-пиршественных оргий Лукуллу, привезшему ее из Персии. Главное же значение его, вишневого сада, смыслового облака в том, что цветущие вишни для героев пьесы оказываются пространством загробной жизни.

В «Черном монахе» – своего рода гимне проклятий в адрес провидения, стоящего за спиной художника не то с мечом, не то с пальмовой ветвью виктории, – тоже есть сад, но яблоневый, весь в цвету: в заморозки в полнолуние он окутан дымом костров, разведенных садовником, спасающим цвет и урожай.

Сады римских придворных – Саллюстия, Лукулла, который более известен как ценитель соловьиных язычков, чем как тот, кто подарил Европе вишню, – вошли в моду. Среди них была и вилла императора Адриана, не отпускавшая его от себя на протяжении всего правления империей. Именно отсюда, близ пруда, отражающего холмы и пинии, Адриан руководил захватом Британии и отдавал приказ о подавлении Великого иудейского восстания, означившего наступление новой эры. Ибо именно с этого момента центростремительный иудаизм периода Второго Храма, преобразовываясь в иудаизм раввинистический, обрел свою центробежную экстенсивную составляющую в виде новой еврейской секты – христианства.

Название библейской местности Гефсимания происходит от ивритского «гат шманим», то есть «масличный пресс»: это местность у подножия Масличной горы, в долине Кидрон, расположенной восточнее Старого города. Во времена Второго Храма так называлась вся долина, ниспадающая с подножия Масличной горы, на которой, по преданию, произойдет воскрешение после Страшного суда.

Здесь когда-то произрастал обширный оливковый сад, часто использовавшийся как место молитвенных медитаций. В современном иудаизме эта традиция распространена до сих пор: каббалисты ценят ночное время и часто отводят его для мистического созерцания перед ликом луны, движущейся над хороводом деревьев. Цель этих медитаций может быть разной, но суть их одна: вслушивание в мироздание, попытка найти бессловесный ответ на краеугольные вопросы существования.

Гефсиманский сад – точнее, его остатки, состоящие из нескольких десятков древних олив, почитается христианами, потому что Иисус и его ученики приходили сюда для молитвенных бдений. Здесь же, согласно Евангелиям, в ночь предания в руки Понтия Пилата молился Христос, пытаясь получить ответ о своей участи.

Оливы не растут в вышину. Старое дерево может достигать нескольких обхватов и похоже на приземистого великана с узловатым мускулистым торсом, чья корявость и складчатость напоминает огромный мозг. Он осенен скромной кроной и стоит среди камней вечности нерушимо и величественно, подобно живому алтарю.

Расщепление реальности на опыт и представление порождает метафору как основной инструмент познания. Опыт творчески устанавливает связь между пережитым (перцепцией) и умозрением. Воображение есть источник абстракции.

Только абстракция дает возможность возникнуть теории и с ее помощью навести мостик между разумом и мирозданием.

Когда мощные, головокружительные, малодоступные модели мироздания, порожденные интеллектом, оказываются «истиной», то есть чрезвычайно близкими к реальному положению дел во Вселенной, это говорит о том, что разум, созданный – как и прочие части целого – по образу и подобию Творца, естественным способом воспроизводит Вселенную – по обратной функции подобия; и проблема строения мироздания формулируется как поиск своего рода гомеоморфизма, соотнесенного с этим преобразованием подобия. Иными словами: то, что разум способен создать теорию, и есть доказательство существования Всевышнего.

Метафора бывает точной и неточной и тесно связана с категорией истинности, участвующей в создании (творчестве) нового смысла.

Воображение не могло возникнуть из личностной нормы. Личность развивается, только находясь в неравновесном состоянии. Чтобы сделать шаг, тело должно выйти из равновесия и начать контролируемое мышцами и скелетом падение.

Суть развития личности – «Я» – в его нетождественности самому себе.

Воображение всегда рождается контролируемым расщеплением, отклонением от нормальности.

Контроль осуществляется как раз категорией истинности, то есть соотнесенным с общезначимым представлением о мироздании.

В противном случае мы имеем дело с ложью, основой клинической ненормы.

Научные достижения порой неотличимы от волшебства. В то же время превознесение чудесного отдает невежеством, особенно если достижения науки при этом принимаются как должное. Есть области математики, в которых уверенно себя чувствуют от силы десятков-другой специалистов на планете, и обществу бывает проще признать их достижения мыльными пузырями, чем важными успехами цивилизации, отражающими красоту мироздания и разума. Но есть и области чудесного, на долю которого незаслуженно выпадает масса пренебрежения со стороны позитивизма, склонного считать, что ненаблюдаемое или непонятное попросту не существует, а не подлежит открытию и объяснению.

Скажем, если вы придете к психиатру и заикнетесь ему об инопланетянах, суровый диагноз вам обеспечен. Упомянутый выше Джон Нэш сполна пережил за годы болезни и стал примером стойкости для многих. Ибо шизотипическими расстройствами страдает целая сотая доля человечества. А сколько еще тех, кто не приходит к врачу.

В момент, названный Карлом Ясперсом «осевым временем», явившимся, как он считал, моментом рождения философии, дар пророчества был передан детям и сумасшедшим.

Насчет детей не знаю, но к людям, делящимся с врачами своими наблюдениями за необычными явлениями, я бы всерьез прислушался. Вот хотя бы к словам Джона Нэша.

Тем более практически все деятели, совершившие прорывы в развитии цивилизации, находились по ту сторону психиатрической нормы.

И вместе с тем я присмотрелся бы ко многим разновидностям научной фантастики и попробовал бы отыскать новую точку зрения на них. Иногда норма затыкает рот истине, а массовый жанр застит прозорливые наблюдения.

Чем дальше развивается наука, тем меньше возможности раз за разом откладывать в сторону гипотезу о том, что формы шизофрении стали мощным двигателем интеллекта – в сторону лучшей выживаемости. Исследования популяционной генетики оставляют на это все меньше шансов. Как и тот факт, что воображение напрямую связано с выживанием, поскольку люди с повышенной тревожностью обладают более высоким IQ: лучше развивать способность предвидеть, чем мышцы ног, предназначенные для бега.

9

Сады – первый признак мирной жизни и, следовательно, цивилизации. Сад развернут во времени в будущее – на срок куда более длительный, чем сезонные работы по возделыванию зерновых культур. Сад есть следующий этап в земледелии, означающий окончательную укорененность рода в данной конкретной местности, выбранной для жизни путем проб и ошибок.

Оседлая жизнь при поле и садах решительно противостоит кочевой, обозной, отданной захвату, обороне, бегству. Цивилизация способна удержаться и развиваться во времени, только будучи сопряженной с оседлостью и созиданием.

Ветка оливы – символ мира: сбор оливок требует времени и труда, что делает невозможным ведение войн, ибо противоборствующие стороны в результате окажутся перед лицом другого, непобедимого и беспощадного врага – голода. Принесенная встан противника ветка оливы символизировала предложение перемирия на время сбора урожая.

10

Переход к земледелию необъясним ни с точки зрения облегчения труда, ни с точки зрения экономической выгоды. Это первый опыт принципа «отложенного удовольствия», лежащего в основе любого развития. Первый опыт абстрагирования усилий и целеполагания, связанного с взаимодействием личности (ее развернутости во времени) и воли сил природы. Первый опыт дисциплины, основы основ всякого искусства. Календарь возникает из сезонов земледелия, но не благодаря сезонной миграции добычи охотников. Время произрастает из зерна. Мировое дерево – ствол времени, отсчитываемого отныне ростками цивилизаций, формируется земледельческими усилиями.

Сад для поэта символизирует сущность искусства. Художник возделывает свой клочок смыслов, в этом он истинный земледелец, использующий гумус текстов, выращенных до него.

11

Давайте спросим себя, что такое Чукотка. Как ощущается, что ты на Чукотке? Что это значит для нашего ощущения пространства? Если, допустим, вы заблудились в саянской тайге, повернитесь на запад и представьте, что вы неделю, месяц, другой, третий идете туда, где закатывается солнце. И ваше воображение, опираясь хотя бы только на инстинкт самосохранения, все-таки сможет нащупать конец адского пути. Так вот: так обстоит дело в Саянах, на Хингане и т. д. Но не на Чукотке. На Чукотке человеческое воображение бессильно.

Все наши свойства – свойства тела и сознания, спаянных действием, «изобретены» эволюцией и обретены для одной цели: выживания вида.

Воображение не исключение. Самый простой и насущный пример: религия.

Религия не смогла бы возникнуть, если бы воображение не позволило нам иметь дело с несуществующими (не наблюдаемыми непосредственно) в физическом мире предметами как с реальными объектами и категориями. Религия, как и культура, помогает человеку обрести дополнительный источник удовольствия от существования, еще одну опору в нем. Она помогает миновать кризисные моменты, когда удовольствия не хватает для выживания: ведь именно удовольствие является основой существования любого живого организма. (Механизм его получения биохимический, и не так уж важно, как именно он приводится в действие у того или иного существа: от амебы до человека.)

Так, умение видеть невидимое становится инструментом существования, орудием, с помощью которого человек противостоит небытию.

Воображение, скорее всего, возникло, когда человек заметил, что вещи физического мира часто оказываются не равны самим себе.

Явления природы могут развиваться в мире действия, а одни и те же события физического мира оказываются различны, если их наблюдают или претерпевают разные субъекты.

Именно воображение помогает сообществу людей, наблюдающих становление мироздания и/или участвующих в этом процессе, обрести категорию истинности, коренящуюся в общезначимости.

Следующим шагом становится обретение этики, необходимое для выживания вида, скрепленного ранее в социум с помощью «клея» общезначимости.

Здесь ключевую роль снова играет воображение, ибо именно оно позволяет индивиду представить себя на месте другого и сделать рабочей максимой «не делай ближнему того, что сам себе не пожелаешь».

Переход к земледелию становится еще более сложно объяснимым, если учесть, что ведение сельского хозяйства обусловило увеличение труда и ухудшение качества пищи. До эпохи земледелия люди питались разнообразнее за счет охоты и собирательства, причем оба занятия были менее трудоемкими, чем земледелие, тем более интенсивное.

Охотники и собиратели обладали развитым интеллектом (тропа следопыта полна дедуктивных сцеплений) в сравнении с земледельцами, погрязшими в тяжелом механическом труде, который до приручения тягловых животных был непереносим. Но главное – результат был удручающим: однообразная пища с низким содержанием белка и витаминов. Однако коллективно собранный урожай оказывался более обильным, нежели добыча, пойманная на охотничьих угодьях. Земледелие, несмотря на все тяготы, значительно увеличило численность племен, а рост населения позволил общине высвободить людей для защиты от агрессии соседей и сформировать из них пограничные отряды. Умиротворенная оседлая жизнь земледельцев – в сравнении с кочевой, полной катастроф жизнью охотников и собирателей – наконец сделала возможным появление досуга, необходимого для возникновения искусства.

Итак, целенаправленное выращивание растений создало условия для развития общества, что к III тысячелетию до н. э. привело к появлению первых цивилизаций. Излишки продовольствия, новые виды орудий труда и строительство обеспечили человеку независимость от природы. Рост населения вынудил племена отказаться от родового принципа в пользу принципа соседства. Возникает искусство перевода культурных кодов и символов. Вместе с освоением земледелия происходит замена зооморфных богов антропоморфными и модернизация религиозных культов.

Неолитическая революция продолжалась около семи тысячелетий и заложила материальные и духовные основы культур Месопотамии, Египта, Китая, Японии и Америки. Венцом роста этого мирового тучного сада стало возникновение письменности в Месопотамии и Египте около III тысячелетия до н. э.

С этого момента наш сад, соучаствующий в Творении, становится Логосом и остается таковым до сих пор: наш мир создан при помощи слов, чисел и речений, то есть лингвистически культивируемого сада с помощью именно того, что Филон Александрийский называл посредником между немыслимой отдаленностью Бога и близостью мира действия, то есть «окликом живого Бога,

обращающегося к вещам и тем самым творящего их из небытия».

Стада разоряют сады

1

Эмпатия – корневой рефлекс личности, впаянный эволюцией в нашу нервную систему. Скажем, такое загадочное явление нашей физиологии, как зевота, как раз и есть следствие присущей человеку на уровне инстинкта эмпатии.

Без эмпатии человек в принципе не смог бы понять другого.

Это обстоятельство роняет зерно морали в почву сознания, и оно прорастает ростком коммуникации.

Злые люди не заражаются зевотой.

2

Социология доказывает, что летальная преступность наиболее высока среди общностей, «зараженных» разновидностью того, что социологи называют культурой чести: то есть такой культуры, в которой мужчина обязан блюсти свою маскулинную репутацию, ибо от нее зависит не только его самооценка, но и общественное положение. Коренится она преимущественно в скотоводческих культурах – в сообществах пастухов, образовавшихся в бесплодных, чаще всего горных областях, таких как Сицилия, Северная Ирландия, Шотландия или Страна Басков.

Если из всей растительности доступны только травы каменистых альпийских лугов, чтобы выжить, вам ничего не остается, кроме как разводить овец и коз. Успех в выживании будет зависеть только от вас, а не от общины, ибо скудость пищи сдерживает решимость рисковать последним в надежде на успех объединения с соседями. Вы станете беречь свой скот как зеницу ока, поскольку это залог жизни рода. Тать не сможет выкосить все поле или отнять всю землю у

сообщества земледельцев. Зато может убить пастуха и увести стадо. Постоянный риск столкновения из-за «собственности»/«добычи» (высокий из-за величины ставки в жизнь) в скотоводческих краях подхлестывал уровень насилия и жестокости.

Саму первобытность нравов этой части населения Земли можно прочувствовать, оказавшись однажды свидетелем массового ритуального забоя скота, когда огромное количество людей в праздничных одеждах, собравшихся в одном месте, с эгоистической жадностью к лучшей доле приносят в жертву домашних животных, сливают кровь и т. д. Тогда вы в полной мере почувствуете разницу между живой жертвой, умерщвляемой ради ритуального избавления от неблагоприятных взаимоотношений с провидением, и духовной работой, молитвенным раскаянием и искуплением.

Ко всему прочему, очевидно, что в будущем человечество обратится к искусственному производству животных белков и придет к законодательно утвержденной международной конвенции вегетарианства.

Таким образом, доземледельческая эпоха, эпоха охотников, собирателей и скотоводов, оказывается элементом агрессивной архаики. Она работает не на процветание, обращенное в будущее, его создающее. Это эпоха достатка аморальных родовых вождей, разобщенных и конкурирующих и потому стоящих вне закона, ибо закон предполагает равенство перед ним всех, что противоречит установкам «царьков». Вместо наследия вожди предлагают своим приспешникам добычу, вместо суда – собственную волю и прихоть (в просторечии – «понятия»). Никакой обращенности в будущее при таком раскладе быть не может: например, один из приметных элементов культуры чести – кровная месть не содействует демографическому росту.

И last but not least: если мы взглянем на Новейшее время, то увидим, что апокалипсис – весь XX век – состоял из кровавых конфликтов сил модернизма с архаикой. Фашизм явился в мир, чтобы утянуть его в полуживотный культ расового превосходства с человеческими жертвоприношениями. Сталинизм был, по сути, перелицовкой рабовладельческого строя с целью военного и идеологического захвата Европы и мира. «Аль-Каида», Иран, Ирак, Сирия, Ливия, Афганистан – всё это полчища архаики, управляемые подростками до тиранов аморальными вождями допотопных варварских толп, бряцающих современным оружием. Они не только выкорчевывают сады мирной жизни – они сжигают сады истории и культуры, самосознание и память цивилизации, превращая ее в

жестокое хищное животное, питающееся насилием и насаждающее отсталость, которая намеревается превратить всю планету в одно скотское пастбище, засыпанное радиоактивным пеплом.

3

Иногда меня мучает фобия. Я боюсь напиться в чужом незнакомом городе. Но однажды я сделал это намеренно. В Мюнхене меня привели в нацистский квартал. Я ходил мимо обрушенных, заросших кустарником храмов и пересек площадь, где штурмовики сжигали книги. В реальность всего этого невозможно было поверить. Вечером я купил бутылку виски и вернулся на пустынную Опернплац. Сел посреди площади и сделал большой глоток. И еще. И еще. Кругом меня не пылало пламя. Не стояли студенты, не швыряли в меня «негерманскими» книгами. В отдалении проползали автомобили. Я прислушивался к себе. Нет ничего страшней помалкивающей бездны. Я даже не запьянел. Семьсот граммов бурбона нагнали меня только в гостинице, в лифте. Я еле успел открыть дверь комнаты.

4

Писательское дело бывает нешуточным. И не только потому, что занимает бо?льшую часть свободного и несвободного времени. В нем отчетливо ощущается сакральность. Дело не в серьезности подхода или посвященности. Например, Хармс – несерьезный и даже веселый писатель – в дневниках отождествлял себя с пророком Даниилом.

Или вот один из наиболее прозрачных примеров.

Основной point «Мастера и Маргариты» – не столько в том, что образ Мастера соприкасается с образом Мессии, Маргарита – с Магдалиной, Москва (плюс власть) – это Иерусалим (плюс Рим и Ирод), незадачливые и неверовавшие москвичи – это евреи; а Воланд и компания – это такой испытующий ангел Сатан из Книги Иова.

Сатан испытывает – мучает, лишает, выручает, повелевает. Но в конце – как и в Книге Иова – повинуется Тому, Кто есть главенствующая над всем на свете фигура умолчания и Спасения.

Главное в том, что Мастер отождествляет себя с евангелистом.

Мастер (тут все-таки важно не столько ремесленное, сколько масонское значение стези как духовного становления) создает (претендует на создание) сакральный текст, который больше реальности и предназначен ее кардинально изменить, и потому враги и препятствия на его пути встречаются нешуточные. Равно как и помощники.

5

Литература есть вера слова. В литературе содержится зерно феномена веры. Логос возник не из веры. А для веры. Сущность, порожденная словами, порой достовернее реальности. Толстой понимал это лучше, чем кто-либо. Вот почему он стремился переписать Евангелие. Я думаю, оно не устраивало его как литература: он считал, что степень порождаемого Евангелием доверия могла быть и выше.

Но очевидно существование верхней границы веры. Есть такая вера, которая хуже безверия. В качестве верхнего ограничителя, запускающего парадоксальную реакцию сознания, Василий Гроссман устами своего героя приводит мнение Толстого о собственном творчестве. Точно приводит или нет – я не знаю, такой фразы я у автора «Холстомера» не встречал, но она обязана ему принадлежать, и, думаю, Гроссман передает смысл без искажений. Штрум, главный герой «Жизни и судьбы», говорит: «Толстой считал свои гениальные творения пустой игрой».

Это относится к категории невозможности Толстого, ибо глубоким истинам могут противостоять только другие глубокие истины. Порождаемый этим противостоянием смысл Нильс Бор назвал принципом дополнительности.

У меня есть знакомая – школьный учитель русской литературы, совершенный подвижник русского языка. Навсегда запомнил ее рассказ о том, как она впервые приехала в Ясную Поляну. Она рассказывала: когда экскурсия закончилась, и она, погуляв вместе со всеми по усадьбе, шла к воротам по аллее, вдруг увидела вверху над деревьями огромную, до облаков, фигуру Толстого. И очень испугалась. Великим страхом испугалась.

Когда я оказался в комнате, где была написана «Анна Каренина», я поразился именно ее размеру. Не простоте и обыкновенности, я вполне мог представить себе Толстого похожим на смертных, однако я не мог представить, что «Анна Каренина» могла бы поместиться в этой комнате с невысокими потолками. Это, на первый взгляд, забавное ощущение заставляет задуматься глубже.

Ибо литература есть производство свободы смысла. Точка выбора порождается внутри романа, как точка росы. Литература утоляет человека подлинностью его существования. Литература не должна учить, она должна предоставлять свободу. Экзистенциальный опыт осуществления выбора – награда за чтение.

Вот откуда мощное ощущение свободы в «Анне Карениной». Роман, питаемый верой читателя, подобно океанским волнам, широко и высоко дышит пространством человеческого существования. Роман подобен искусственным легким мира.

Хорошо, когда книга больше, чем способ познания. Когда мир, порожденный словом и верой, оказывается истиной, это говорит о том, что разум, созданный по образу и подобию Творца, естественным способом воспроизводит и заменяет мироздание, согласно обратной функции подобия; и проблема устройства Вселенной и человека формулируется как поиск своего рода соответствия, соотношенного с этим преобразованием подобия. Иными словами: то, что разум способен создать роман, – это и есть доказательство существования Всевышнего.

Следующим шагом остается только рассудить, что искусство должно заниматься повышением ранга реальности – при взаимодействии с реальностью слова; однако длина этого шага может оказаться больше жизни.

Толстой мало того что стал плотью русского языка, он еще и обучил нашу речь той выразительности, с помощью которой можно выразить невозможное. Вот главный урок этого писателя. Возможность невозможного – свободы, понимания, любви; возможность самого человека как такового, его сердечной сути – дорогого стоит.

Я бы сравнил отношения Толстого и читателя с отношениями хозяина и работника в одноименном рассказе. Трудно поверить в то, что выражает этот рассказ: хозяин, замерзая вместе с работником во время метели, спасает его

ценой своей жизни. Трудно настолько, насколько вообще трудно читать. И в этом как раз суть работы Толстого как писателя: он накрывает собой читателя посреди снежной бури и позволяет небытию добраться до себя раньше. Он сберегает читателя. И это лучшее, что может произойти. С работником. И хозяином.

6

Нынче совершенно прозрачно – мир есть слово. А в 1995 году я еще удивлялся – зачем это в MIT[1 - Массачусетский технологический институт (англ. Massachusetts Institute of Technology)]. Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. ред.] создали лабораторию, изучающую вязкоупругие свойства кончиков человеческих пальцев. Когда спустя десятилетие появились touch screens[2 - Сенсорные экраны (англ.)], я наконец понял зачем. Четверть века назад академик Лев Петрович Горьков, ученик Ландау, наставлял нас, студентов: «Дети! Учите физику твердого тела. Вам нужно будет зарабатывать на хлеб». А мы пожимали плечами: мол, полупроводник изобретен, микросхемы работают, квантовый эффект Холла вроде тоже – вот и вся физика твердого тела, куда дальше? Займемся-ка мы лучше поэтикой – теорией поля.

Но как же был прав академик! Вся проблематика физики твердого тела, все те красивые и, казалось бы, неприкладные задачи, что разбирались на семинарах и т. д., – все это вошло в фундамент современной цивилизации, в ее технологическое ядро, квинтэссенцию ее технического воплощения, и этой библейского масштаба конструкции конца и краю пока не видно.

Ибо весь современный мир создан с помощью букв, чисел и речений. С помощью слова – в широком смысле. И «слов» физики твердого тела в том числе, ибо теория, модель, мало чем отличается от хорошего текста, изменяющего мир, изменяющего человека. Числа – тоже слова (но особенные). И мы видим, что материальный мир является продуктом неких «речений», донесенных до человека, и понятых им текстов. Это вполне теологическая ситуация.

Уподобляясь Творцу, человек с помощью текста и коммуникаций создает материальный мир. И наука, обеспечивающая создание средств производства, необходимых для развития цивилизации, есть прекрасный пример со-творчества.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Массачусетский технологический институт (англ. Massachusetts Institute of Technology). Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. ред.

2

Сенсорные экраны (англ.).

Купить: https://tellnovel.me/ru/ilichevskiy_aleksandr/voobrazhenie-mira

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)